

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХVІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

себѣ при этомъ выразить сожалѣніе, что Марцали пропустилъ безъ разбора извѣстія Даноло, также изобличающія свое родство съ хрониками (напримѣръ, о Белѣ I) и въ то же время заключающія въ себѣ новыя данныя.

Разсмотрѣніе туземныхъ источниковъ авторъ заключаетъ характеристикой монографій о татарскомъ нашествіи—Rogeria, Placitus и Оомы Силѣтскаго и генеалогическою табличкой хроникъ.

Во второй части сочиненія Марцали группируетъ источники иностраннаго по народностямъ (византійскіе, италіанскіе, нѣмецкіе и славянскіе), но разсматриваетъ при этомъ не всѣ, говорящія объ Угрин, а лишь главнѣйшіе. Наибольшее значеніе онъ придаетъ византійскимъ, которые онъ и разбираетъ нѣсколько подробнѣе; вообще же тутъ его разборъ кратокъ, ограничивается самою общою характеристикой источника и указаніемъ на заключающіяся въ немъ свѣдѣнія объ Угрин. Новаго онъ тутъ ничего не сообщаетъ и вообще даетъ слишкомъ мало.

Не смотря на отмѣченные недостатки, книга Марцали весьма цѣнна, заключаетъ много отдѣльныхъ вѣрныхъ выводовъ и наблюденій и является необходимымъ пособіемъ при изученіи угорской исторіи.

В. Кракау.

Антонъ Будловичъ. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава. 1883.

I.

Въ области науки о языкѣ за послѣднее время стали особенно часто появляться всевозможные компендіи, своды мнѣній, введенія, основанія и т. п. Рядомъ съ накопленіемъ работъ по частнымъ вопросамъ идетъ, съ одной стороны, популяризація научныхъ теорій, съ другой, такъ-сказать, сведеніе счетовъ, расчищающее почву для новыхъ лингвистическихъ теорій. Компендіи—вещь въ высшей степени полезная. Вопервыхъ, бываютъ компендіи въ родѣ Шлейхерова, съ оригинальнымъ и строго проведеннымъ методомъ—результатъ большой самостоятельной работы. Во вторыхъ, хорошіи компендіи это градусники для извѣстной научной области. Втретьихъ, компендіи бываютъ незамѣнимы въ библиографическомъ отношеніи. Изъ небольшихъ лингвистическихъ конспектовъ, появившихся за послѣд-

нее время, укажемъ на книжку Дельбрюка: *Einleitung in das Sprachstudium* (введеніе къ лейпцигской серіи изданія *Indogermanische Grammatiken*). Это—серьезная критическая работа. Книга Пеци: *Glottologia ariæ recentissima*—хорошее изложеніе различныхъ научныхъ мнѣній по группамъ. Книжка Паули: *Principien der Sprachgeschichte*—въ высшей степени оригинальный трудъ, богатый содержаніемъ, но тяжелый по изложенію. *Indogermanische Grammatiken*, издаваемые фирмою Breitkopf & Härtel въ Лейпцигѣ,—полезнѣйшее изданіе. Покуда вышло три тома. Первый томъ (уже вторымъ изданіемъ) *Grundzüge d. Phonetik* Сиверса; второй томъ *Indische Grammatik* Уитнея (*Witney*); третій томъ *Griechische Grammatik* Густава Мейера,—трудъ единственный въ своемъ родѣ по грандіозной библиографической обстановкѣ. Обѣ только что названныя грамматики по цѣли подходятъ къ Начертанію профессора Будиловича. Но въ частностяхъ задачи и въ ея выполненіи громадная разница. Западные ученые довольствуются (при объемѣ въ 30 листовъ каждый томъ) фонетикой и морфологіей, съ присоединеніемъ тѣхъ главъ, которыя входятъ въ школьную этимологію. Профессоръ Будиловичъ, при меньшемъ объемѣ (348 стр. текста), даетъ цѣлую энциклопедію славянской грамматики: тутъ и семасіологія, и синтаксисъ, и графика, да еще введеніе, трактующее о физиологій звука. Но задавшись такою широкою задачей, русскій профессоръ не могъ выполнить ее съ тою разносторонностью и точностью, какой можно было бы ожидать отъ такого солиднаго ученаго и въ такомъ серьезномъ вопросѣ.

Мы начнемъ нашъ разборъ съ предисловія. Цѣль автора—сжато обработать общую теорію славянскаго языка. Матеріалъ—спеціальныя работы въ области ц.-слав. рѣчи, при чемъ вкладъ самого автора незначителенъ (стр. V). Грамматическіе примѣры взяты изъ грамматикъ Востокова, Миклошича, Буслаева, Потехина и изъ Памятниковъ Юсоваго письма Срезневскаго, а частью цитованы по памяти. Методъ автора—въ принципѣ историческій. Сравнительный методъ допускается, по скольку онъ не требуетъ отъ читателя спеціальныхъ познаній по другимъ языкамъ. При этомъ желательными читателями являются учителя и студенты-филологи. Вообще должно сказать, что матеріалу, фактовъ, сравнительно съ количествомъ выводовъ и опредѣленій, въ книгѣ мало. Можетъ быть, это входило въ цѣли автора, не желавшаго затруднять читателей грудой сырого матеріала, какъ дѣлаетъ это г. Миклошичъ и зачастую г. Потехина. Но онъ во всякомъ случаѣ впалъ въ крайность. Мѣстами, особенно въ синтаксисѣ, книга прибрѣла

характеръ чисто-догматическій. Едва ли не вредить это и той прекрасной цѣли, которую, между прочимъ, задался авторъ—„оставить мысль читателя, особенно юнаго, свободною отъ гнета научаго авторитета“. Эта фраза приведена въ оправданіе того обстоятельства, что авторъ не указываетъ на источники излагаемыхъ имъ теорій. Чего же достигаетъ онъ такимъ образомъ? вмѣсто десяти именъ и десяти авторитетовъ, онъ импонируетъ однимъ именемъ, однимъ авторитетомъ. Замѣтимъ также, что авторъ не имѣетъ въ виду читателей совсѣмъ юныхъ. Студентамъ съ кафедры постоянно указываются имена авторовъ той или другой теоріи, учителя предполагаются прошедшими университетскій курсъ. Позволимъ себѣ еще замѣчаніе по поводу матеріала книги. Методъ автора—историческій. При такомъ взглядѣ на изученіе языка странно смотрѣть на данныя рѣчи, какъ на вѣчно опредѣленное, установившееся. Гдѣ норма, о которой говоритъ авторъ? Сравните два изданія Миклошичевой *Formenlehre*, и вы увидите разницу въ парадигмахъ. Особенно странно такое мнѣніе теперь, когда затронуть вопросъ о недостаткахъ въ изданіяхъ древне-славянскихъ памятниковъ, и естественно колеблются выводы, сдѣланные изъ этихъ памятниковъ. Авторъ даетъ намъ перечень „настоятельных“ книгъ, которыя онъ имѣлъ при составленіи грамматики. Странно, что мы не находимъ здѣсь третьяго изданія Миклошичевой *Altslovenische Lautlehre*, книги очень цѣнной. Едва ли можетъ быть принятъ также взглядъ автора на „ошибки и описки древняго писца“, какъ на матеріалъ непригодный для его книги (если авторъ не хочетъ совершенно отдѣлить своего труда отъ научаго изслѣдованія). Ошибки писца—не то, что ошибки современнаго издателя. Прежде чѣмъ разстаться съ предисловіемъ, сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе объ анонимномъ характерѣ изложенія. Оно очень удобно для пишущаго, и очень невыгодно для читающаго. Гдѣ критерій точности приводимаго мнѣнія? Добросовѣтность и осторожность автора хорошо извѣстны, но, съ другой стороны, отвлеченный и часто энигматическій характеръ изложенія современныхъ славистовъ заставлялъ бы желать точныхъ указаній на авторовъ мнѣній (тѣмъ болѣе, что такихъ смелыхъ было бы немного). За библиографическими указаніями авторъ отсылаетъ къ трудамъ Кочубинскаго, Котляревскаго, Водуэна-де-Куртена. Но библиографія вездѣ связана съ извѣстною системой, съ извѣстною постановкой вопроса. Не забудемъ также, что книга назначается для учителей, а въ провинціи не вездѣ есть указанная библиографическія сочиненія.

Книга профессора Будиловича, какъ мы уже замѣтили, задумана и поставлена широко. Кромѣ общаго лингвистическаго введенія, она состоитъ изъ трехъ частей. Въ первую (фонологию) вошла большая глава о природѣ звуковъ человѣческаго языка, графика и фонетика. Во 2-й части (этимологию) заключаются двѣ главы: одна — гдѣ говорится о формахъ словъ, другая — налагающая ученіе о значеніи словъ (семасиология). 3-я часть распадается тоже на двѣ главы: изъ нихъ первая говоритъ о строеніи предложеній, вторая — о значеніи синтаксическихъ формъ. Планъ очень полный. Можно возражать только противъ произвольнаго въ научномъ смыслѣ названія этимологии. Авторъ сдѣлалъ уступку школьной грамматикѣ. Введеніе начинается съ прекрасно и сжато изложенныхъ общихъ понятій объ аrio-европейской (у автора арийской) семьѣ языковъ и спеціально о славянской вѣтви. Изложеніе, какъ часто и дальше, иллюстрируется графическими изображеніями. Глава о природѣ звуковъ человѣческаго языка, по видимому, составлена авторомъ по Румпелю, который не можетъ быть названъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ области фонетики. Жаль, что авторъ не воспользовался въ большей мѣрѣ спеціальными изслѣдованіями, собранными въ указанной выше книгѣ Сиверса. Надо отдать справедливость профессору Будиловичу — излагаетъ онъ мастерски. Неологизмы, конечно, не всегда удачны: каналь ртовъ — почти невозможное сочетаніе.

Изъ частныхъ замѣчаній на эту главу приведемъ слѣдующія: Артикуляція звука *а* формулирована невѣрно: языкъ не лежитъ здѣсь плоско, а замѣтно отодвинутъ назадъ (Siev. 67). Затѣмъ, авторъ говоритъ о славянскихъ гласныхъ несовершеннаго образованія и смѣшаннаго образованія (*э, ъ — ѣ, ѳ*). Не знаемъ, какія данныя имѣетъ онъ для сужденія о фонетико-физиологическомъ значеніи этихъ звуковъ. Особенно шаткими представляются разсужденія о звукѣ *ѣ*. Звукъ этотъ, по мнѣнію автора, возникалъ, когда языкъ слагался для *е, і*, а губы для *а* или *о*. Терминъ смѣшанный звукъ (mixed) употребляется у англійскихъ филологовъ: такова артикуляція нѣмецкаго *е* въ *Gabe* (укладъ гортанно-небный) (Siev. 73). Это опредѣленіе вытекло изъ непосредственныхъ наблюденій надъ артикуляціей звука. Не знаемъ, имѣетъ ли нашъ авторъ какіе-нибудь фонетическіе типы, которые убѣдили бы въ возможности существованія отмѣченныхъ имъ смѣшанныхъ образованій. Послѣ обозрѣнія гласныхъ звуковъ профессоръ Будиловичъ даетъ понятіе о сонантахъ. Относительно *М* и *Н* онъ замѣчаетъ, что „ни одна азбука не раз-

личаетъ въ написаніи *М* и *Н* звонкихъ и глухихъ“ (стр. 33), и „что это звуки обобщенные по звуку“. Глухое *М*—весьма рѣдкое явленіе; оно встрѣчается въ нашемъ *хм!* и исландскихъ *hniga*, *knif*. Для насъ не совсѣмъ ясна также аргументація автора относительно причисленія *М* и *Н* къ мгновеннымъ звукамъ (?). Что касается до звуковъ *Р* и *Л*, то авторъ находитъ, что они могутъ быть причислены къ звонкимъ и глухимъ согласнымъ, но удобнѣе могли бы быть названы обобщенными, такъ какъ звукъ *Р* не мѣняется особенно своего характера при сочетаніи съ гортаннымъ тономъ въ громкомъ говорѣ, а съ гортаннымъ шорохомъ въ шопотномъ (стр. 33), а звукъ *Л* тоже не мѣняется существенно и при шопотномъ говорѣ (стр. 34). Не думаемъ, чтобы кому-нибудь изъ читателей были ясны эти указанія. Беззвучные *Р* и *Л* образуются въ дѣйствительности при слѣдующей обстановкѣ: тѣсныя, образующіяся въ надставной трубѣ, обуславливаютъ появленіе шороховъ; шорохи эти могутъ заглушить звукъ голоса отчасти или совсѣмъ; въ послѣднемъ случаѣ и появляются указанные звуки. Не можемъ не отмѣтить и слѣдующаго положенія автора: „Плавные *М*, *Н*, *Р* отличаются отъ другихъ согласныхъ пиротой пояса ихъ возможной артикуляціи, чего нельзя сказать о двупроточномъ *Л*“. Въ общей системѣ звуковъ членораздѣльной рѣчи звукъ *Л* имѣетъ больше разновидностей, чѣмъ *Р*, а область артикуляціи звука *М* крайне сужена: *М* есть звукъ губной; *М* какъ губозубный звукъ сомнителенъ.

Затѣмъ, мы не видимъ физиологическаго основанія для дѣленія звуковъ на твердые и мягкіе, какъ дѣлаетъ это профессоръ Будиловичъ. Опредѣленіе дифтонга не согласуется съ точкой зрѣнія, которая установилась на этотъ предметъ въ наукѣ. Авторъ считаетъ, что удареніе можетъ равно стоять на первой и на второй части дифтонга, тогда какъ именно отличительною чертою дифтонга принято считать удареніе на первой изъ образовательныхъ гласныхъ.

Пристрастіе автора къ аналогіямъ и параллелямъ заставляеть его говорить о согласныхъ дифтонгахъ. Но, во первыхъ, дифтонги не существуютъ тамъ, гдѣ нѣтъ фтонговъ, а во вторыхъ, автору должно быть извѣстно, что отнюдь не всѣ лингвисты раздѣляютъ взглядъ на звукъ *Ч*, напримѣръ, какъ на *compositum*.

За этою общою главой слѣдуетъ небольшой очеркъ графики. Далѣе излагается ученіе о звукахъ. Говоря о фонетическомъ значеніи буквы *ъ*, авторъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее соображеніе: „Присутствіе явчнаго уклада видно изъ мягкаго выговора предше-

ствующихъ њ согласныхъ, напримѣръ рѣка, лѣто, почти какъ море, поле (стр. 63). Откуда авторъ знаетъ до такой точности выговоръ знака њ? Говоря о привзвучномъ и, авторъ излагаетъ мнѣніе Бодуэна-де-Куртеша и возраженіе Миклошича (См. Глоттолог. Зам., издан. въ Воронежѣ. Вып. I и Miklosich, Altsloven. Lautlehre III Aufl. Wien, 1878. 212 стр.). При этомъ онъ разсматриваетъ только одинъ случай (*и* передъ *ј*) и совершенно отдѣляетъ *и* передъ чистымъ гласнымъ.

При указаніи на явленія ассимиляціи (кстати—выраженіе вспятая ассимиляція не можетъ назваться удачнымъ) авторъ видитъ, между прочимъ, ассимилированіе *U* въ *J* въ шити (*шuo*) иго (*jugim*) и не различаетъ этого явленія отъ чередованія либо и либо, слина и слюна. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, слово иго объяснялось слѣдующимъ образомъ: основное обще-арійское *jugaš* въ слав. **jъго*, отсюда й иго—иго. Звукъ *у* на славянской почвѣ въ данномъ случаѣ не было. Мы не видимъ основанія мѣшать латинское *и* (соотвѣтствующее первоначальному) съ славянскимъ *у*, которое соотвѣтствуетъ обыкновенно гунѣ аrio-европейскаго *и*. То же можетъ быть примѣнено къ толкованію слова шити.

Говоря о диссимиляціи (стр. 74), авторъ видитъ это явленіе въ русскихъ формахъ: мою, злой, чей рядомъ со славянскими *мѣиѣ*, *зѣлѣи*, *чѣи*, причемъ не видитъ возможности вывести ихъ параллельно изъ формъ *ѣи* (*ј*) и *ѣи*, ибо въ русскомъ языкѣ формы на *ой*, *ей* распространились сравнительно поздно, въ XIII и XIV вв. Едва ли это можетъ служить достаточно вѣскимъ аргументомъ противъ данныхъ противоположнаго мнѣнія (сгруппированныхъ въ брошюрѣ г. Романа Брандта: Грамматическія замѣтки). При указаніи на стяженіе гласныхъ приводятся слѣдующіе примѣры (стр. 74): *иѣсть* изъ *и е—ѣсть*. Непосредственно до сихъ поръ это стяженіе не объяснялось; или надо выпустить *ј* (какъ у Лескина) или *е* (какъ у Миклошича). *Кѣи*, по мнѣнію автора, есть стяженіе изъ *кѣ—и*, также какъ *вѣину* изъ *вѣ—ину*. Это для насъ совершенно не понятно: мы привыкли въ этомъ словѣ видѣть механическое удлиненіе, а не стяженіе.

При указаніи на замѣнительное растяженіе находимъ объясненіе, что *рѣхъ* изъ **рекхъ*, а *вѣсъ* изъ *ведсъ*. Оказывается такимъ образомъ, что, по мнѣнію автора, эти двѣ формы образовались въ разные эпохи. Не лучше ли объяснять *рѣхъ*, какъ Миклошичъ, изъ **рексъ* (**рессъ*—**рѣсъ*—*рѣхъ*) (стр. 74)?

Большой вопрос древне-славянской грамматики, о слогах съ плавною, обойденъ авторомъ (ему посвящена одна страница), хотя здѣсь очень важна бы была группировка мѣтній.

Разсматривая чередованіе гласныхъ въ ряду *A*, профессоръ Будиловичъ ставитъ въ одной степеніи формы *истачати* и *тѣкати* (стр. 76). Не произошло ли здѣсь смѣшенія между понятіемъ подъема (*истачати*) и функциональнаго удлиненія (*тѣкати*)? Тогда какъ первый есть явленіе общераійское, второе явленіе ограничено областью литовско-славянскою. Только смѣшавъ два эти явленія, авторъ могъ отнести слово *невѣста* къ глаголу—*ведѣ*. Обратимъ вниманіе и на слово чередованіе. Дѣло въ томъ, что автору не ясенъ исходный пунктъ движенія въ ряду гласныхъ. Чтѣ древнѣе—спрашиваетъ *овѣ*—*ръци*, *режѣ* или *рокѣ*, и склоняется въ древности именно послѣдняго, такъ какъ „ослабленіе вокализма характеризуетъ позднѣйшія, а его сила древнѣйшія эпохи жизни языковъ“. Такимъ образомъ, авторъ сходитъ съ сравнительной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ научной почвы изслѣдованія явленій: онъ не признаетъ подъема гласныхъ, не смотря на то, что это явленіе очевидно въ древнѣйшихъ представителяхъ ариевропейской семьи.

Послѣ гласныхъ разсматривается авторомъ система согласныхъ. Здѣсь, на стр. 101, авторъ даетъ списокъ русскихъ и древне-славянскихъ чередованій согласныхъ. Вопервыхъ, нѣтъ основанія смѣшивать области церковно-славянской рѣчи и русской. Во вторыхъ, при разсмотрѣніи этихъ чередованій должна быть какая-нибудь перспектива. Едва ли правильно разсматривать рядомъ такіе переходы какъ *c* въ *x*, явленіе общераспространенное, имѣющее значеніе для исторіи языка, и *перегласовку* *z* и *d*, диалектическую особенность (въ западной части великорусской области).

Вторая часть начинается главой о строеніи словъ. Давъ общее понятіе о корнѣ, основѣ, семитскихъ и арійскихъ корняхъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію корней въ славянскомъ. Въ числѣ примѣровъ корней мы встрѣчаемъ: *оует*, *оутр*, *дъшт*, то-есть, авторъ беретъ литовско-славянскую группу языковъ и отдѣляетъ для корня общую часть соответствующихъ словъ въ этихъ двухъ языкахъ. Такимъ образомъ, корень является носителемъ не только основнаго глагольнаго значенія, во и признаковъ выражаемыхъ, суффиксами *ти* и *тир*. Понятія корня и основы сливаются.

При разсмотрѣніи суффиксовъ, авторъ стоитъ, какъ намъ кажется, тоже на не совсѣмъ твердой почвѣ. Говорить о суффиксахъ—*альн*,

бѣгло, при этомъ древне-славянская область постоянно мѣшается съ русскою народною рѣчью (напримѣръ, стр. 222—223).

Иногда значеніе суффиксовъ опредѣляется просто небрежно. На примѣръ, на стр. 224 мы находимъ заявленіе, что суффиксъ *ло* означаетъ то орудіе: рало, шило, то часть тѣла: грѣло, рыло, то произведеніе искусства (?): кресло, масло, то представленіе (!) отвлеченное: число, дѣло. Развѣ эти сближенія могутъ быть названы семасіологическими категоріями? Развѣ можно дѣлать по разнымъ группамъ: шило, рыло, масло? Далѣе идетъ еще болѣе странный подборъ категорій: производитель, часть тѣла, животное, растеніе, орудіе, дѣйствіе, явленіе, состояніе, пространство, время, представленія отвлеченныя, качественныя прилагательныя. Развѣ возможно въ одну схему помѣщать: и растеніе, и пространство (?) и качественное прилагательное?

На стр. 237 авторъ говоритъ, между прочимъ, о суффиксѣ ище и справедливо отмѣчаетъ его значеніе для обозначенія пространства, но при этомъ выдѣляетъ слово топориче, какъ названія орудія. Развѣ это не есть мѣсто топора? Русскія слова, какъ идоличе, ручища, онъ называетъ уничтожительными. Это вѣрно. Суффиксъ показываетъ въ данномъ случаѣ громадность, а отсюда грубость и несладность предмета. Вспомнимъ: старчище, каличище, ямища, глазище—все чудовищно громадна вещи. Едва ли и здѣсь не лежитъ въ основѣ представленія идея пространства, занимаемаго предметомъ. Трудно также приложить термины—увеличительный и уничтожительный къ словамъ подобнымъ: писака, пройдоха, пьянюга. Сравните: работяга, смирияга, здоровага, рубака, кожемяка, провидоха, анатоха и пр. Отсылаю за примѣрами къ книгѣ г. Вольтера: Къ вопросу о грамматическомъ родѣ (С.-Пб. 1882).

Значенію залоговъ авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ и нѣсколько чертежей, но къ сожалѣнію, не далъ новой точки зрѣнія на этотъ вопросъ. Здѣсь съ аппаратомъ большой учености говорится о самыхъ элементарныхъ вещахъ. Напримѣръ: „Графически мы можемъ изобразить возвратный залогъ такъ“ (слѣдуетъ несомкнутая кривая, въ родѣ сломанной и разогнутой окружности; между концами кривой стоитъ *a*). Субъектъ *a* служитъ здѣсь и исходною, и конечною точкою дѣйствія (стр. 246). Въ такомъ же родѣ объясненіе взаимнаго залога. Нужны ли эти опредѣленія, да еще съ чертежами, и не то же ли говорилъ покойный Гречъ, и повторяютъ теперь его разноименные компиляторы?

Говоря о естественномъ и грамматическомъ родѣ, авторъ называетъ средний родъ — промежуточнымъ между мужскимъ и женскимъ (стр. 253). Что это значить? Странно также объясненіе двойственного числа, какъ связи между единственнымъ и множественнымъ.

Въ параграфѣ, посвященномъ значенію сложныхъ основъ и словъ встрѣчается едва ли вѣрное объясненіе русской формы жилъ-былъ (стр. 277). Авторъ ставитъ въ скобкахъ есть, относя это слово къ былъ. Но едва ли былъ имѣетъ здѣсь смыслъ вспомогательнаго глагола. Вспомнимъ выраженія народной поэзіи: биться-ратиться, сѣлъ-палъ и т. п., былъ въ предлагаемомъ авторомъ случаѣ обратилось бы въ было, бывало (онъ было пошелъ, да вернулся).

Сложному и интересному вопросу о значеніи сложныхъ словъ посвящено четверть странички и даже не упомянуто о классической системѣ дѣленія сложныхъ словъ, которая была выработана еще индѣйскими грамматиками и съ небольшими измѣненіями держится до сихъ поръ. Но пріятно хоть то, что авторъ не ограничиваетъ уже образованія сложныхъ словъ атрибутивнымъ значеніемъ первой части, какъ онъ дѣлалъ это ранѣе; говоря о смысловомъ измѣненіи, которое замѣчается въ формѣ —лъ буду, авторъ не отмѣчаетъ условнаго отгѣнка, который сохранился въ нашемъ буде (буде онъ пришелъ), (примѣры собраны въ Истор. грамм. Буслаева. Изд. 2-е, ч. II, стр. 143).

Очень интересны первыя страницы главы, посвященной синтаксису. Здѣсь авторъ дѣлаетъ прекрасный подходъ къ разбору двучленнаго предложенія. Фраза громъ гремитъ могла образоваться изъ громъ! гремитъ!—двухъ воспріятій. Предложеніе для автора уже не есть сужденіе, выраженное словами. Онъ смотритъ глубже этого школьнаго опредѣленія. Не менѣе справедливо и мнѣніе автора о томъ, что надо крайне осторожно опредѣлять и восстанавливать эллипсы въ рѣчи. Такое восстановление часто суживаетъ и вдвигаетъ въ произвольныя рамки то, что геній народа оставилъ неопредѣленнымъ. Но и это предложеніе, въ свою очередь, надо ограничить. Часто эллипсы очевидны (*βροντᾶ, ἐκτρώε, ἐσάλπιγξ, ἀναγνώσεται, il tonne, говорятъ*). Отдѣлъ синтаксиса у автора вообще не выработанъ. Есть пробѣлы и противорѣзія. Напримѣръ, на стр. 275 авторъ относитъ еще къ призвакамъ сочинительнаго сочетанія, а на стр. 320 онъ видитъ въ этомъ союзѣ признакъ подчинительнаго соединенія. Мимоходомъ отмѣтимъ еще странность. Авторъ находитъ въ формахъ

иже, егда и т. под. вопросительный иѣстоименный корень стр. 320 (V) (??).

Нѣкоторыя опредѣленія совершенно непонятны, до такой степени преобладаютъ соображенія надъ фактами, выводы надъ матеріаломъ для ихъ повѣрки. Напр. на стр. 333 находимъ: „Признакъ, выражаемый опредѣленіями, мыслится сосредоточеннымъ въ другой неопредѣленной или опредѣленной субстанціи, а не зыбкимъ изліаніемъ личной энергіи той же главной субстанціи“.

Опредѣленіе эпитета едва ли точно, авторъ сводитъ его на epitheton ornans. Желаніе, во что бы то ни стало, находить аналогіи и опредѣлять этими аналогіями и параллелями законы языка вызываетъ у автора сужденія категоричныя, но далеко не всегда точныя. Напримеръ, онъ не признаетъ (стр. 339) обстоятельство цѣли и причины, потому-де что нѣтъ такихъ нарѣчій.

Но, вопервыхъ, есть нарѣчія въ родѣ сдуру, сглупа, сгоряча; во вторыхъ, куда же авторъ отнесетъ тотъ рядъ обстоятельствъ, которыя школьная грамматика причисляетъ къ обстоятельствамъ причины и цѣли, если онъ не выбросилъ обстоятельствъ изъ схемы синтаксиса. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ по поводу этого вопроса авторъ просто входитъ въ область символики. Онъ находитъ, что уже потому можетъ быть только три рода обстоятельствъ, что у глагола три категоріи: залога, времени и наклоненія. Отчего же авторъ и падежей, послѣ этого, не постарается, свести къ числу трехъ?

Не смотря на эти замѣчанія, не можемъ не пожелать книгѣ профессора Будиловича успѣха, и поблагодаривъ автора за много прекрасныхъ страницъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не пожелать нѣкоторой переработки ея въ слѣдующемъ изданіи. Оно несомнѣнно будетъ. Книга останется, какъ полезное введеніе къ изученію церковно-славянскаго языка.

Иш. Амисеміѣ.

II.

Въ два послѣднія десятилѣтія славянское языковѣдѣніе, какъ и языковѣдѣніе вообще, сдѣлало весьма значительные успѣхи, между тѣмъ какъ существующіе у насъ учебники церковно-славянскаго языка все еще продолжаютъ говорить о немъ то же, что говорили двадцать лѣтъ назадъ. Вслѣдствіе того у насъ давно уже ощущается потреб-